

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА
РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ
НАРКОМАНИЕЙ

«НАРКОМ»

Шукшин В.С.,
доктор политических
наук, профессор

Во многих случаях у политического руководства, к сожалению, не всегда присутствует продуманная стратегия и тактика разрешения спорных национальных проблем, что приводит к затяжному кризису, а в конечном итоге — неограниченному использованию силовых методов для урегулирования конфликтов.

Суворов В.Л.,
доктор политических
наук, профессор

Приход к власти исламистов, в частности представителей движения «Братья-мусульмане», в Египте и Тунисе, усиление позиций радикальных исламских группировок в Ливии и участие исламских террористов в вооруженной борьбе в Сирии и других странах активизирует исламистские организации, распространяет радикальные настроения и на территории российского Северного Кавказа.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ТЕРРОРИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	1
ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И ТЕРРОРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	6

Мы представляем главы из монографии доктора политических наук, профессора В. С. Шукшина и доктора политических наук, профессора В.Л. Суворова «Политика непрямых действий как угроза безопасности России в условиях новой холодной войны». В данной монографии авторы попытались провести ретроспективный анализ процессов, происходящих в сфере национальной безопасности России за последние двадцать лет. Главной проблемой в работе выступает политика непрямых действий, которая все чаще используется странами, особенно США, для реализации своих скрытых интересов.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ТЕРРОРИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Фактический раскол различных стран мира по поводу событий, происходящих в Украине, сохраняющаяся неопределенность в отношениях России с Грузией после событий августа 2008 года, кровопролитие в Ливии, Ираке, Сирии и других регионах мира, а также ряд других факторов дали толчок новому витку обострения международных противоречий на территории постсоветского пространства и России.

Анализ условий и причин возникновения конфликтов в национальной сфере показывает, что наряду с геополитическими, социально-экономическими и территориальными причинами доминирующее влияние на процесс их развития оказывает политический фактор. Все это порождает ситуацию, когда политический конфликт, связанный с борьбой за власть, представляет собой питательную среду для развития национально-этнических конфликтов, и, наоборот, национально-этнические конфликты оказываются средством борьбы за власть. Процесс эскалации конфликтов и терроризма на территории постсоветского пространства, а также в ряде других регионах мира в конце XX – начале XXI столетия является ярким подтверждением этой закономерности.

Такая специфика конфликтов современной эпохи не может не отражаться и на процессе разрешения международных противоречий. В силу чего особую актуальность приобретает проблема

совершенствования политических механизмов урегулирования тех или иных конфликтов в области национальных отношений.

Современный опыт политического урегулирования такого рода конфликтов показывает, что процесс этот носит порой стихийный, бессистемный характер. Во многих случаях у политического руководства, к сожалению, не всегда присутствует продуманная стратегия и тактика разрешения спорных национальных проблем, что приводит к затяжному кризису, а в конечном итоге – неограниченному использованию силовых методов для урегулирования конфликтов. При этом рост насилия с обеих сторон, эскалация экстремизма и терроризма, переходящих в открытое вооруженное противостояние, часто заводят в тупик процесс их политического урегулирования.

Поэтому важной задачей обеспечения национальной безопасности России сегодня является проблема поиска новых, наиболее эффективных путей урегулирования конфликтных ситуаций и предотвращения перерастания их в зоны активных боевых действий. Однако, прежде чем определиться со стратегией разрешения международных конфликтов, необходимо остановиться на природе их происхождения.

На протяжении всей новейшей истории России отношение общественности к международным проблемам менялось в зависимости от того, насколько остро эти вопросы выносились на

повестку дня политической жизни нашего государства. От этого во многом зависел процесс обсуждения данных проблем в научной среде, с одной стороны, а с другой – то внимание, которое ей уделяла государственная власть. При этом до начала 90-х годов эта тема оставалась одной из малоисследованных в отечественной литературе. В отличие от западных исследований, в нашей науке долгое время бытовало мнение о решенности национального вопроса в СССР».

Возможность действительного научного подхода к осмыслению указанной проблемы появилась лишь после того, как она обрела себя в реальной действительности с распадом СССР, обернувшись трагической судьбой для миллионов людей в различных регионах страны. Именно в середине 90-х годов XX века в отечественной политологии появились серьезные разработки по данной проблематике. Они отличались глубоким анализом специфики политических и межнациональных конфликтов в постсоветском пространстве, оригинальностью решения вопроса их урегулирования.

Вместе с тем, в начале XXI столетия данная проблема как-то стала уходить из поля зрения власти, а затем и науки. Было принято решение о ликвидации министерства по делам национальностей, закрылись ряд кафедр в учебных заведениях, которые активно занимались этой проблематикой (кафедра федеративных и национальных отношений в РАГС при Президенте и др.) Постепенно вопросы межнациональных отношений перестали быть предметом обсуждения на круглых столах, научных конференциях, в диссертационных советах, что в какой-то степени являлось стимулирующим фактором для их исследования.

На смену им пришли другие темы, связанные с международным терроризмом, глобализацией и т.п. По мнению ряда ученых, это было своеобразной попыткой не замечать проблему, которая всем изрядно поднадоела, в надежде, что она сама собой рассосется. Данный подход, к сожалению, создал определенный вакуум в этой сфере, который не позволял вести мониторинг и препятствовал проведению объективного анализа причин конфликтности в области межнациональных отношений.

А в это время по мере нарастания миграционных процессов в мире и России противоречия в данной области только усиливались. При этом все это осложнялось непростой геополитической обстановкой и внутренними проблемами. В результате сегодня приходится констатировать тот факт, что мы оказались перед лицом новой опасности, про которую забыли, и сейчас, к сожалению, не всегда понимаем, что делать. Этим объясняется некоторая растерянность власти в первые дни после событий на Манежной площади и ряда серьезных терактов в аэропорту Домодедово и на Кавказе.

Все это позволяет сделать первый вывод о том, что проблемой межнациональных отношений необходимо заниматься всем органам власти, и причем постоянно, а не от случая к случаю. Эта мысль стала ведущей в докладе Президента РФ на заседании Госсовета, которое состоялось сразу после известных событий.

Второй вывод, который хочется сделать и с которым, по всей видимости, должны согласиться многие специалисты в этой области, заключается в том, что решение проблемы межнациональных отношений лежит в большей степени за ее пределами. А именно в сфере экономики и, особенно, политики. Это объясняется тем, что этнические и национальные интересы всегда переплетаются с интересами

в других областях жизнедеятельности общества. Поэтому в реальной жизни ни один межнациональный конфликт не проявляется в чистом виде. Он всегда будет нести оттенок, с одной стороны, политического конфликта, возникающего по поводу власти, с другой – экономического и социального, связанного с вопросами средств жизнеобеспечения.

Все это ставит перед нами проблему комплексного влияния на процесс их урегулирования, включая системный анализ причин и факторов эскалации. Это относится как к внутренним конфликтам, так и к происходящим за пределами России. Анализ межнациональных процессов, происходящих сегодня на территории постсоветского пространства, особенно в Украине и центрально-азиатских государствах, свидетельствует о том, что политическая либерализация 90-х годов сменилась здесь периодом «бархатных революций», что вызвало к жизни приглушенные клановые и национальные противоречия, которые периодически проявляются в процессе борьбы за власть. О накале нового витка политической борьбы свидетельствуют последние события в Украине, которые приняли форму гражданской войны между сторонниками и противниками новой киевской власти.

В ходе развития политической ситуации в Украине апробируется новый сценарий воздействия на Россию, который не удалось реализовать в ходе пятидневной войны с Грузией (грузино-осетинского и грузино-абхазского противостояния в августе 2008 года). Если в тех событиях ставка была сделана на чисто силовой вариант воздействия на Россию, то в Украине американскому руководству удалось разыграть национальную карту, столкнув два братских славянских народа. Используя различные методы непрямых действий и радикальные политические настроения в стране, оно наносит удар по* единству народов, одновременно стремясь ослабить и Россию. Все это еще раз свидетельствует о том, что национальный вопрос здесь тесным образом связан с проблемой власти и влияния.

Если рассматривать процесс развития межнациональных конфликтов на территории Российской Федерации, то необходимо отметить, что наибольшее число очагов политической напряженности по-прежнему возникает на Северном Кавказе (Дагестан, Чечня, Северная Осетия, Кабардино-Балкария и т.д.). Это вполне объяснимо, потому что именно здесь был завязан тугий узел сложных социально-экономических проблем, связанных с малоземельем, избытком трудовых ресурсов, полиэтничностью населения, проживающего на ограниченной территории. При этом необходимо учитывать, что на протяжении длительного времени этот регион является эпицентром геополитического и военного противостояния России с внешними силами.

Все эти социально-экономические, геополитические и территориальные проблемы лежат в основе разжигания межнациональных противоречий в этом регионе и сохраняют опасность такого феномена, как горский сепаратизм. Безусловно, политическим руководством России и властью на местах много сделано, чтобы преодолеть эту отчужденность. Но следует помнить, что на протяжении длительного периода здесь шла война, в которой по разные стороны смотрели друг на друга через дуло автомата русские, чеченцы и представители других национальностей и этнических групп. Последствия этой войны еще долго будут отдаваться эхом в Москве и других городах России.

Таким образом, анализ развития сегодняшней ситуации в Украине, центрально-азиатских республиках и на Кавказе свидетельствует о том, что природа всех межнациональных конфликтов остается двойственной. В одних конфликтах возникшие национальные противоречия отходят на второй план, уступая место политическим требованиям, в других, наоборот, социально-экономические, политические проблемы дают толчок разжиганию национальной розни и т.д. Поэтому и решение всех вопросов должно носить комплексный и системный характер.

Следующая проблема, на которую хотелось бы обратить внимание специалистов, связана с реализацией принципа превентивности в процессе урегулирования конфликтов. Все дело в том, что, как любое социально-политическое явление, межнациональный конфликт не статичен, а подвижен и изменчив. При этом процесс его эскалации состоит из множества сменяющих друг друга стадий развития. Эта особенность, как считают многие ученые, не всегда учитывается при урегулировании современных межнациональных конфликтов. В результате зачастую решения принимаются или с опозданием, или без учета конкретной стадии развития того или иного конфликта. Вот и получается, что мы часто «бьем по хвостам».

Для решения этой проблемы необходима превентивная политика, направленная на опережение. Власть должна всегда помнить, что любой конфликт легче и лучше предотвратить, чем потом тратить огромные средства и силы на его разрешение. Это аксиома, которая, к сожалению, оплачена сотнями и тысячами человеческих жизней.

При выстраивании государственной стратегии предотвращения конфликтов на национальной почве следует помнить, что на их развитие оказывает влияние множество факторов. Хотелось бы остановиться на некоторых из них, и прежде всего на религиозном. В истории и жизни народов национальное и религиозное тесно переплетаются, взаимодействуют. Религия и этнонационализм поддерживают, стимулируют друг друга. Религия выступает в роли хранительницы национальных ценностей, обычаев и традиций. Поэтому когда возникает конфликт на этнической почве, то религия автоматически занимает позицию защитников национальных интересов и требований, тем самым внося свою лепту в дело борьбы с иноверцами. Таким образом, религиозный фактор может подлить масла в огонь межнациональной вражды, повысить температуру кипения в конфликте.

Как уже было сказано ранее, на характер межнациональных отношений сегодня в мире во многом влияет процесс политизации ислама, который набрал силу на рубеже XX-XXI веков. Радиализация многих его течений, исповедующих концепцию войны с неверными (так называемые джихад, газават, фатх)¹, привела к обострению противоречий как внутри мусульманского мира, так и с другими мировыми религиями – христианством, иудаизмом и др.

В силу этого межнациональные конфликты в различных регионах мира, а также на территории постсоветского пространства и России конца XX – начала XXI веков явились не чем иным, как очередным этапом (после Афганистана) столкновения этих религий. Неслучайно в теории геополитики сегодня наибольшей популярностью пользуется концепция «конфликтной дуги», обозначающая области, охватывающие с юга и юго-запада континент Евразии, в

которых происходит подавляющее количество вооруженных столкновений на этноконфессиональной основе.

Действительно, если посмотреть на карту мира с востока на запад, то мы четко можем провести линию противостояния радикального ислама с остальным миром. Об этом противостоянии мы уже вели речь в первой главе исследования. До сих пор тлеют очаги вооруженного противостояния в различных азиатских государствах, где мусульмане воюют как против буддистов, так и христиан. Религиозный мир то и дело взрывается столкновениями на межнациональной основе, систематически вспыхивают восстания мусульманских сепаратистов в различных регионах мира.

Постоянные очаги напряженности, по мнению многих специалистов, еще долгое время будут оставаться в Афганистане и в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где по-прежнему сохраняется противостояние между суннитами и шиитами.

С учетом того, что ислам традиционно исповедуют многие народы, проживающие на территории постсоветского пространства (Закавказье, Средняя Азия) и России (Северный Кавказ, между Средней Волгой и Уралом, Сибирь), этот фактор будет становиться решающим и для России. Межнациональные и межэтнические противоречия на территории Северного Кавказа, где проживает примерно около 3 млн мусульман, в Поволжско-Уральском регионе и в Сибири, численность мусульман в которых ничуть не меньше, чем на Кавказе, создает серьезный потенциал для религиозных конфликтов.

А если прибавить переселенцев с Кавказа в Волгоградской и Астраханской областях (около 400 тыс.), из Средней Азии в Сибири, в Москве и Центральном регионе, это в общей сложности составляет около 8% населения России². Все эти цифры заставляют ученых и политиков еще раз задуматься о возможных угрозах и последствиях данной проблемы для России.

Все это говорит о том, что исламский фактор сегодня становится одним из самых определяющих в мировой политике и создает потенциальную основу для новых конфликтов и войн. Все это необходимо учитывать в процессе формирования национальной политики нашего государства.

В системе факторов, влияющих на процесс эскалации межнациональных конфликтов, одно из ведущих мест занимает внешний фактор. С середины 90-х годов прошлого века в состав незаконных вооруженных формирований, которые действовали на территории Северного Кавказа под политическими лозунгами борьбы за независимость, стали вливаться многочисленные отряды наемников, которые проходили подготовку за пределами нашего государства. При этом все это сопровождалось активной финансовой поддержкой из зарубежных центров.

Сегодня эта помощь распространилась не только на территорию Северного Кавказа, но и на большую часть Российской Федерации. По данным силовиков, в последние годы структуры, связанные с одной из мощнейших фундаменталистских организаций общемирового масштаба, «Ассоциацией братьев-мусульман» («Джаниат аль-Ихван аль-Муслимун»), были выявлены в 49 регионах России, а также в странах СНГ (Закавказье, Центральная Азия,

¹ В наиболее общем значении этот термин означает вооруженную борьбу с неверными во имя торжества ислама.

² См.: Е. Морозов. Мировая война ислама // Десятина. № 5. 2002.

в отдельных случаях – Украина)³. При этом основной целью экстремистов в России является разжигание сепаратистских настроений в мусульманских регионах и создание государственных образований исламского типа в составе так называемого Великого Исламского Халифата. Эмиссары «Братьев-мусульман» оказывают идеологическую, военную и финансовую поддержку сепаратистским элементам.

Органами Федеральной службы безопасности установлено, что значительная часть получаемых из-за рубежа финансовых средств идет на вербовку сторонников, проникновение во властные структуры, детальное изучение и анализ военно-географического положения в республиках бывшего СССР для разработки планов последующей экспансии вплоть до военной. При этом ставка делается как на «благодетельные», так и на явно экстремистские организации.

Все это представляет на сегодняшний день серьезную угрозу, прежде всего, государственному суверенитету и территориальной целостности Российского государства; конституционному строю, законности, правопорядку и общественной безопасности; безопасности и стабильности в прилегающих к границам России регионах; физической безопасности значительной части населения; доступу к важным для России международным экономическим зонам и коммуникациям в соответствии с нормами международного права и т.д.⁴.

В этой связи, анализируя особенности межнациональных конфликтов, нельзя не остановиться на проблеме их влияния на национальную безопасность нашего государства. При этом, если в качестве критерия классификации принять степень их угрозы национальным интересам России, которая является одним из главных показателей в стратегии национальной безопасности государства, то следует выделить следующие группы конфликтов.

Конфликты группы «А», непосредственно затрагивающие национальные интересы России, типа «центр – регион», внутри Российской Федерации (Чечня, Дагестан, Татарстан); этноконфессиональные и территориальные конфликты вдоль границы России (к примеру, претензии Эстонии и Литвы на часть российских земель); конфликты, затрагивающие гражданско-правовой и политико-экономический статус русских (территория бывших республик Союза). К этой группе, по мнению ученых, можно отнести и потенциальные очаги напряженности в отношениях Москвы и субъектов Федерации (например, Тува, Коми)⁵.

Конфликты группы «Б», потенциально затрагивающие национальные интересы России. К ним относятся конфликтные и кризисные ситуации в ближнем зарубежье (Таджикистан, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Юго-Восток Украины, Крым и др.). Кроме этого, по мнению автора, к этому типу конфликтов следует, видимо, отнести и те из них, которые затрагивают наши интересы в отдельных регионах мира (к примеру, на Балканах, в Северной Африке и др.)

Отличие этих групп конфликтов с точки зрения национальной безопасности заключается в том, что первые (группа А) представ-

ляют угрозу внутренней безопасности, а вторые (группа Б) следует рассматривать с точки зрения угроз внешней безопасности. При этом внутренние конфликты часто взаимосвязаны с конфликтами в ближнем и дальнем зарубежье, что является существенным фактором их эскалации.

Вместе с тем, важным отличием между этими группами конфликтов является то обстоятельство, что одни из них мы рассматриваем с позиций международного права, другие в рамках внутренней законодательной базы. Все это накладывает отпечаток и на механизмы их разрешения.

При разрешении конфликтов группы «Б» Россия напрямую не имеет права вмешиваться в процесс их урегулирования. В данном случае участие России может быть рассмотрено в следующих формах:

- в качестве одного из непосредственных участников при открытом декларировании своего участия;
- в качестве союзника одного из участников межгосударственного конфликта;
- в качестве союзника одного из участников внутригосударственного конфликта;
- в качестве третьей стороны, осуществляющей стабилизационные мероприятия в зоне конфликта как в форме прямой односторонней интервенции, так и в форме классических миротворческих операций по сохранению перемирия⁶.

При разрешении внутренних конфликтов (группы «А») Российское государство вправе выбирать самостоятельно формы и методы их урегулирования. Хотя при этом обязано руководствоваться определенными ограничениями международного права.

С учетом вышесказанного оценку нынешних межнациональных конфликтов с точки зрения угроз безопасности и национальных интересов России следует проводить на трех уровнях – глобальном, региональном и национальном.

Среди значимых угроз национальной безопасности, сопутствующих этнополитическим конфликтам, необходимо отметить следующие: угроза размывания единого правового пространства, угроза экономической безопасности, миграционная угроза, угроза терроризма, наркомании, криминализации общества и т.п. К этому нередко следует относить и угрозу попытки вмешательства различных экстремистских сил из стран ближнего зарубежья во внутренние дела России путем поощрения и поддержки действующих на российской территории сил агрессивного сепаратизма и национализма с использованием механизмов политического и экономического лоббирования чужих интересов, искусственной инициации национальных проблем и др.

Безусловно, наносящими ущерб интересам России являются и процессы продолжающегося отхода правящих элит ряда стран ближнего зарубежья от России, а также усиления их переориентации на развитие связей и стратегического сотрудничества с другими государствами, что часто способствует развитию нередко острых конфликтных ситуаций. Все это создает существенные трудности для развития интеграционных процессов в рамках СНГ и формирует предпосылки дальнейшего ослабления Содружества.

³ См.: М. Фальков. На пути к Московскому Халифату // Независимое военное обозрение. № 16. 2001.

⁴ Более подробно см.: Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). – М., 1996. С. 7-28.

⁵ См.: Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. – М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 39-40.

⁶ См.: Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. – М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 40.

Серьезным источником новых конфликтов и угроз для национальных интересов и безопасности России является развернувшееся соперничество и борьба различных государств за контроль над стратегическими запасами энергетического и другого сырья на пространстве государств ближнего зарубежья, за обеспечение свободы доступа государств ближнего зарубежья к этим ресурсам и беспрепятственный их вывоз на внешние рынки.

Исследуя особенности проявления межнациональных конфликтов в постсоветском пространстве и их влияние на национальную безопасность России, нельзя не отметить трагизм и масштабность их последствий. Пожалуй, ни в одном государстве мира трансформация политической системы не влекла за собой столько жертв и такого материального ущерба, каким сопровождался распад Союза и порожденные этим межнациональные конфликты современности.

Последствия конфликтов на территории постсоветского пространства и России проявились во всех сферах жизни нашего общества: социально-политической, экономической, экологической, этнодемографической, военной и т.п.

Социально-политические последствия были обусловлены повсеместным кризисом власти, ослаблением ценности права и морали, подавляемых ориентацией на сугубо силовые методы решения межнациональных споров.

Экономические – выразились как в прямых потерях вследствие остановки производства, разрушения жилых и производственных объектов, транспортных коммуникаций в зонах конфликтов, так и в многочисленных косвенных потерях вследствие нарушения связей между регионами.

Экологические – связаны со снижением общего уровня экологической безопасности.

Этнодемографические – включали в себя наряду с опасностью исчезновения целых этнических групп еще и проблему нарушения воспроизводства населения и вынужденную миграцию.

Самым страшным и тяжелым последствием всех конфликтов, которые, перерастали в вооруженные столкновения, стала массовая гибель людей, как военнослужащих, так и мирного населения. На сегодняшний день, по некоторым данным, в межнациональных конфликтах на территории бывшего СССР с конца 80-х годов прошлого столетия погибло более 600 тыс. человек⁷.

Все это дает нам основание относиться к этой проблеме как к серьезной угрозе безопасности общества и личности. И с учетом того, что современное российское общество сохраняет потенциальную конфликтность, а геополитические притязания со стороны ее соседей продолжают иметь место, мы можем оказаться в перспективе перед лицом новых конфликтов, которые могут привести к непредсказуемым последствиям как на территории России, так и на всем постсоветском пространстве.

Таким образом, анализируя особенности проявления межнациональных конфликтов на территории постсоветского пространства и их влияние на национальную безопасность России, мы можем отметить, что основными из них являются следующие:

- межнациональные конфликты в постсоветском пространстве носят двойственный характер, являясь скрытой формой политического конфликта;
- процесс развития конфликтной ситуации на территории постсоветского пространства и России носит многоуровневый и многофакторный характер, что отражается на содержании самих конфликтов, которые сначала носили стихийный характер, затем приобретали идеологическую основу, а после этого структурировались в политическое противостояние к существующей власти;
- в основе многих межнациональных конфликтов лежали социально-политические, экономические и религиозные причины, обостряющиеся борьбой за власть, как в высших эшелонах, так и на местах;
- большинство межнациональных конфликтов в конечном итоге при поддержке террористических центров из-за рубежа перерастали в вооруженное противостояние сторон, сопровождающееся вмешательством подразделений Внутренних войск МВД и Вооруженных сил МО РФ, что привело к серьезным социально-политическим и экономическим последствиям для безопасности России, массовой гибели военнослужащих и мирного населения в районах конфликтов.

Такой анализ и выявление специфических особенностей межнациональных конфликтов дает нам возможность сделать ряд серьезных выводов, касающихся проблем их урегулирования, и обозначить основные подходы к их разрешению.

Во-первых, нельзя разрешить полностью тот или иной конфликт, пока в обществе сохраняется ситуация потенциальной конфликтности. Только решение глубинных экономических, политических, социальных причин, порождающих межнациональные конфликты, может стать основой для достижения согласия в обществе.

Во-вторых, при регулировании этих конфликтов нельзя ограничиваться решением только экономических, политических или национальных проблем. Должна проводиться комплексная национальная политика, направленная как на отдельный регион, так и на оздоровление национальных отношений во всем государстве в целом.

В-третьих, в процессе регулирования конфликтов необходимо учитывать то, что они проходят в своем развитии несколько этапов, на каждом из которых должны применяться соответствующие им политические формы и методы разрешения конфликтной ситуации.

В-четвертых, ввиду того, что многие конфликты приводят к серьезным вооруженным столкновениям сторон, что ведет к материальным и людским потерям, угрожает безопасности общества и личности, государство не может не вмешиваться в процесс их урегулирования, используя при этом меры как политического, так и вооруженного насилия.

Все эти выводы позволяют нам в последующем более конструктивно подойти к проблеме политического урегулирования межнациональных конфликтов, определения путей и механизмов их разрешения.

⁷ См.: 600 тысяч человеческих жизней за передел постсоветского пространства // Независимая газета. – 2001. 28 июня.

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И ТЕРРОРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В предыдущем разделе было отмечено, что этноконфессиональные конфликты представляют собой одну из самых серьезных угроз для безопасности любого государства как на современном этапе, так и в будущем. С учетом того, что период конца XX века и начала нового столетия ознаменовался не только расширением культурных связей и объединением Европы, но и распадом многонациональных государств, он войдет в историю как эпоха агрессивного национализма, межэтнических и межконфессиональных войн и конфликтов. Согласно данным Стокгольмского института по исследованию актуальных мировых проблем, две трети конфликтов в 1990-х гг. - первом десятилетии 2000-х гг. носили этноконфессиональный характер. Жертвами этих конфликтов стали более 6 млн человек, в том числе более 600 тыс. погибших на территории бывшего СССР. Согласно экспертным оценкам, в перспективе этнонациональные конфликты будут занимать лидирующее положение среди угроз национальной безопасности России.

За последние годы была проведена серьезная работа по профилактике данной проблемы. Правовой и нормативной базой предупреждения и разрешения межнациональных конфликтов в Российской Федерации, борьбы с исламским радикализмом являются следующие документы. Конституция РФ для предупреждения, регулирования и разрешения этнонациональных конфликтов закрепляет основные правовые нормы и положения. В частности, ст. 19 (ч. 2) гарантирует «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признаку расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности»; ст. 29 (ч. 2) запрещает «пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства»; ст. 72 (ч. 1б) обеспечивает защиту «прав национальных меньшинств».

Важное значение по предупреждению и разрешению межнациональных конфликтов имеют такие законы Российской Федерации, как «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремистской деятельности», и такие нормативные акты, как Указ Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», Соглашения о сотрудничестве в области миграции (в том числе в борьбе с незаконной миграцией) со странами СНГ и другими государствами.

Ответственность за разжигание этнонациональных конфликтов установлена законодательством Российской Федерации, а именно Уголовным кодексом Российской Федерации, который осуществляет охранительную функцию, защищая установленные Конституцией РФ национальные, этнические, расовые ценности и связанные с ними общественные отношения. Так, ст. 357 УК РФ, входящая в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества», игра-

ет важную роль в разрешении этнонациональных конфликтов, так как в ней устанавливается, что «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства членов этой группы, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, либо смертной казнью или пожизненным лишением свободы».

Регулирование этнонациональных конфликтов в различных сферах деятельности общества осуществляется не только перечисленными нормативными актами, но и общепризнанными принципами и нормами международного права, правом субъектов Российской Федерации, актами органов местного самоуправления и т.д.

Угрозы безопасности Российской Федерации, связанные с межнациональными конфликтами и распространением исламского фундаментализма, определены Военной доктриной РФ, Концепцией национальной безопасности РФ и Стратегией национальной безопасности РФ до 2020 года. Рассмотрим основные из них.

Одной из самых серьезных угроз является терроризм. Он вызван противоправной деятельностью экстремистских, националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, в том числе и зарубежных, направленных на нарушение единства и целостности РФ, дестабилизацию внутриполитической обстановки в стране. В России терроризм на протяжении последних двадцати лет прочно связывается с Северным Кавказом. Во всех субъектах этого региона уровень террористической опасности остается стабильно высоким. Этот регион – зона деятельности организаций, имеющих базы подготовки, склады оружия, финансируемых из внешних источников, основной целью которых является поддержка действующих на российской территории сепаратистов (две чеченские военные кампании) и включение этих территорий в орбиту влияния ваххабизма. Каждый день совершается в среднем две акции криминально-террористического характера.

Организованная этническая преступность. Количество тяжких преступлений, совершаемых выходцами из кавказских и среднеазиатских республик, несопоставимо с их долей в общей численности населения России. По сути, организованные по этническому признаку криминальные сообщества развернули настоящий террор против коренного населения страны.

Так, на оперативном контроле в органах МВД состоят 55 разных этнических преступных группировок. Причем семь этих группировок имеют экстремистскую направленность. Для борьбы с экстремизмом в системе Московского уголовного розыска и других субъектах РФ созданы специальные подразделения по борьбе с этнической преступностью. В своей статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин подчеркнул, что этническая преступность, построенная по националь-

ному, клановому принципу, с правовой точки зрения ничем не отличается от обычных банд. При этом она является проблемой не только криминальной, но и проблемой государственной безопасности⁸.

Неконтролируемая миграция. Неэффективная миграционная и этнонациональная политика закладывает фундамент для будущих этноконфессиональных конфликтов как в крупных городах, так и в ряде региональных центров России. По данным Федеральной налоговой службы, наносимый нелегальной миграцией прямой ущерб превышает 200 млрд рублей в год, что сопоставимо с расходами бюджета Российской Федерации на образование и социальную сферу вместе взятыми. Согласно данным Всемирного банка, Россия вышла на первое место в Европе и второе в мире по числу прибывающих в страну трудовых мигрантов. В Российской Федерации официально зарегистрировано более 700 тыс. мигрантов, однако, по различным неофициальным оценкам, их число достигает от 12 до 15 млн человек⁹.

При этом основную массу мигрантов составляют выходцы из республик Центральной Азии, Кавказа и Китая. Так, например, диапазон оценок численности проживающих в России азербайджанцев колеблется от 1,5 до 3 млн, примерно такая же численность армян. Криминологи особо указывают на набирающее темпы опасное поглощение России мигрантами из Китая. Их численность не поддается учету и, по экспертным оценкам, колеблется от 400 тыс. до 3 млн человек. Как считает руководитель лаборатории миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Ж. Зайончковская, к 2050 году в восточных российских регионах будут проживать до 7-10 миллионов китайцев и китайская диаспора станет крупнейшей по численности этнической группой в России после этнических русских¹⁰. Не так давно прессой был обнародован факт «демографической экспансии» со стороны Китая, направленной на Россию. По данным спецслужб РФ, китайцы массово подделывают российские водительские права. Происходит это при полном попустительстве властей КНР, из чего российские спецслужбы сделали вывод, что Китай потворствует переселению собственных граждан в Россию¹¹.

Массовая миграция в Россию из государств Средней Азии является важнейшим долгосрочным фактором, питающим исламский радикализм на территории РФ, главным образом – в столицах и промышленных регионах, в местах повышенной концентрации трудовых мигрантов. Иммигранты - узбеки, таджики, киргизы и т.д. – легко находят друг с другом общий язык на почве общности трудовых интересов, а единство религии служит дополнительным средством консолидации. В этой среде, учитывая ее непростое социальное и правовое положение, пропаганда ваххабитов оказывается особенно эффективна.

При этом «бойцы джихада» широко вербуются из среднеазиатских мигрантов, а некоторые едут в РФ из Средней Азии, уже будучи убежденными ваххабитами, с целью разжечь «пламя джихада» на российской территории. Концентрация мигрантов в Москве, Петербурге, других крупных городах и их областях создает дополнительную угрозу расширения исламистских сетей¹². Политика продолжения

крупномасштабной миграции из исламских стран в потенциально взрывоопасные российские регионы является самоубийственной¹³.

К реальным угрозам, которые связаны с неконтролируемой миграцией, следует отнести переброску в Россию из Центральной Азии, а также из Афганистана и Пакистана через плохо закрытые южные границы радикальных исламистов и формирование транснациональных экстремистских сетей. Бывшие боевики таджикской и узбекской исламской оппозиции, члены различных экстремистских организаций, исламские фундаменталисты - салафиты, оказавшись на российской территории в качестве гастарбайтеров, свободно ведут религиозную пропаганду, создают общины своих последователей и легализуются.

Наряду с доводами за закрытие границ существуют опасения, что такая мера способна вызвать новые, не менее тяжелые последствия как для этих стран, так и для России. Государства этого региона принадлежат к числу стран с наиболее сложной социально-экономической ситуацией. Так, например, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан по показателям ВВП на душу населения и по индексу развития человеческого потенциала находятся во второй половине списка стран мира. Во многом благодаря именно миграции – занятости молодежи и денежным переводам (в Таджикистане они образуют, по оценкам, до 40% ВВП, в Кыргызстане – до 25%, в Узбекистане – до 10%) – властям этих стран удается поддерживать у себя относительную политическую и экономическую стабильность¹⁴. Нарушение этого хрупкого равновесия с неизбежностью поставит весь регион на грань социального и политического коллапса.

Исламизация определенной части территории Российской Федерации обусловлена как внутренней миграцией, связанной с конфликтами в Северо-Кавказском регионе, из-за которых вынужденно покинули места постоянного проживания более 600 тыс. человек, так и изменением этнической структуры населения страны и ее отдельных территорий, связанным с растущей миграцией из кавказских стран и регионов во внутренние области страны, населенные в основном этническими русскими. Широкий размах переселенческих процессов из районов межэтнической конфликтности, сосредоточение кавказцев-мигрантов в бизнесе, торговле, их неадекватное, порой конфликтное поведение в новой среде и преступная деятельность этнических групп привели к тому, что у местных жителей во многих регионах страны заметно возросла ксенофобия антикавказской направленности.

Рядом исследователей определено, что, если диаспора достигает примерно 5% населения страны, она начинает бороться за право как минимум культурного самоопределения. В Москве, по свидетельству мэра С. Собянина, в некоторых районах уже сегодня проживают от 10 до 20% выходцев из среднеазиатских и кавказских республик. В настоящее время в результате межэтнической миграции на принимающих территориях формируются замкнутые земляческие анклав, отчужденные от местного населения.

Необходимо отметить, что президент и правительство РФ уделяют огромное значение национальному вопросу как основному фактору существования Российского государства. Свидетельством этому является опубликованная в январе 2012 года в нескольких российских изданиях статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», в которой он предложил концепцию национальной политики, представив в ней следующие положения.

Политика. Специальный выпуск. № 9 (115). 2013 г. 4 июня. С. 15.

¹³ А. Ивановский. Миграция как военная угроза // Военно-промышленный комплекс. № 16 (484). 2013. С. 3.

¹⁴ Россия в полицентричном мире. М.: Весь мир. 2011. С. 417.

⁸ Путин В.В. Россия: национальный вопрос / Независимая газета. 2012. 23 января. С. 3.

⁹ Гончаренко М. «Кондопогский синдром» и проблемы нашего государственного управления / Имперское возрождение. М., 2007. С. 231.

¹⁰ А. Ивановский. Миграция как военная угроза // Военно-промышленный комплекс. № 16 (484). 2013. С. 3.

¹¹ А. Ивановский. Миграция как военная угроза // Военно-промышленный комплекс. № 16 (484). 2013. С. 3.

¹² М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье //

1) Создание в системе федеральных органов власти специальной структуры по проблемам национального развития, межнационального благополучия и взаимодействия этносов, взаимодействующей с президентом страны, с правительством и обладающей властными полномочиями.

2) Повышение эффективности миграционной политики государства, в том числе усиление полицейских функций и полномочий миграционных служб.

3) Четкая дифференцированная политика в отношении легальной миграции, как постоянной, так и временной, в пользу квалификации, компетентности, конкурентоспособности, культурной и поведенческой совместимости.

4) Совершенствование правовой базы, в частности административного и уголовного кодексов (введение уголовной ответственности за нарушение миграционных правил и норм регистрации).

5) Укрепление судебной системы и строительство эффективных правоохранительных органов, в том числе и для обеспечения арбитражных интересов различных сообществ (как принимающего большинства, так и мигрантов).

6) Интеграция и социализация мигрантов (изучение культуры и языка, образовательные программы, развитие социальной инфраструктуры, медицины, рынка труда).

7) Тесная интеграция на постсоветском пространстве как реальная альтернатива неконтролируемому миграционным потокам¹⁵.

Все эти меры при определенной политической воле могут стать серьезной преградой для распространения исламского радикализма в России.

Серьезной проблемой для России сегодня является **криминальный захват и монополизация мигрантами отдельных отраслей** российской экономики, а также образование ими национальных анклавов и анклавных рынков труда (азербайджанские, китайские и т.д.). Мигрантов в основном интересуют те отрасли российской экономики, которые не требуют серьезных капиталовложений, зато открывают широкие возможности для незаконного оборота неучтенных денежных средств и сокрытия доходов, организации финансовой базы для преступных группировок. К этому следует добавить и другие виды «предпринимательства», которые традиционно находятся под особым вниманием мигрантов: наркотики, проституция, рэкет.

Что касается анклавов, то они представляют собой хорошо организованные замкнутые общности, которые конкурируют за право контроля наиболее доходных анклавных рынков в экономически привлекательных субъектах России. Эти общности имеют в своем распоряжении хорошо вооруженные и дисциплинированные группировки для достижения своих целей. Кроме этого, эти анклавы обладают высокими мобилизационными возможностями (более 10 млн человек) по созданию иррегулярных вооруженных формирований, которые могут быть использованы в интересах исламских радикалистов и потенциальных сепаратистов.

В своей статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин подчеркнул недопустимость образования замкнутых, обособленных национальных анклавов, в которых, во-первых, часто действуют не законы, а разного рода «понятия», а во-вторых, нарушаются права самих мигрантов как со стороны собственных криминальных авторитетов, так и коррупционеров от власти¹⁶.

Межнациональные конфликты и очаги межнациональной (межконфессиональной) напряженности на территории постсоветского пространства являются питательной средой для деятельности **международных вооруженных радикальных группировок** в районах, прилегающих к границе РФ.

В результате геополитических изменений, обусловленных как внутренними, так и внешними причинами, на постсоветском пространстве сохраняется так называемая дуга напряженности, определяемая тлеющими очагами межнациональных конфликтов, доставшихся России от бывшего СССР. После провозглашения независимости правящие круги бывших советских республик Средней Азии, Закавказья и Молдавии стали проводить в отношении национальных меньшинств политику дискриминации, что подтолкнуло законодательные и исполнительные органы власти автономий и регионов к принятию решений о самоопределении и появлению на политической карте так называемых непризнанных или частично признанных государств.

В результате этого значительная часть постсоветского пространства стала зоной межнациональных конфликтов (гражданская война в Таджикистане, грузино-абхазский и грузино-южноосетинские конфликты, межнациональные конфликты в Нагорном Карабахе и Приднестровье). Только благодаря активным дипломатическим и миротворческим действиям РФ на этом направлении удалось прекратить кровопролитие и предотвратить гуманитарную катастрофу. Таким образом, безопасность государств на постсоветском пространстве, особенно на южном направлении, является приоритетной военно-политической и внешнеполитической задачей Российской Федерации, что нашло свое отражение в таких документах, как Стратегия национальной безопасности и Концепция внешней политики РФ.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что оставшиеся очаги межнациональной напряженности на постсоветском пространстве и сегодня оказывают негативное воздействие на общую военно-политическую ситуацию как в целом на пространстве СНГ, так и на состоянии безопасности России. Так, ситуация в Киргизии характеризуется жесткой и скрытой борьбой различных кланов и групп за политическое влияние и доступ к материальным ресурсам, а также межнациональными противоречиями между киргизами (52% населения) и представителями некоренных национальностей (русскими – 21% и узбеками – 13%).

Весьма проблемным является положение киргизского меньшинства в Узбекистане. Основной угрозой, исходящей с территории Узбекистана, для России является возможность возникновения внутренних межнациональных конфликтов (Заравшанская долина – узбеки и таджики, Ферганская долина – узбеки и киргизы), а также деятельность террористической организации «Исламское движение Узбекистана». Кроме того, правящие круги Узбекистана связывают свою безопасность с США, что снижает возможности России в обеспечении своей безопасности.

Наряду с террористическими организациями, действующими в Узбекистане и Киргизии, наиболее серьезной угрозой для безопасности РФ является усиление фундаменталистских течений афганского и иранского образцов на территории Таджикистана, который имеет самую протяженную границу с Афганистаном. При этом следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие военно-политической ситуации на территории указанных выше государств во многом зависит от процессов политического урегулирования событий в Афганистане, в котором в настоящее время проживает около 5-6 млн таджиков, 1,5

¹⁵ Путин В.В. Россия: национальный вопрос / Независимая газета. 2012. 23 января. С. 3.

¹⁶ Путин В.В. Россия: национальный вопрос / Независимая газета. 2012. 23 января. С. 3.

млн узбеков, около 1 млн туркмен. В случае эскалации вооруженно-го конфликта в Афганистане боевые действия могут распространиться на бывшие советские республики Средней Азии. РФ может быть втянута в эти конфликты с вытекающими из этого финансовыми, людскими и моральными издержками. В Таджикистане и Кыргызстане действуют военные базы России, которые могут оказаться вовлеченными в местные противостояния, как это было во время гражданской войны в Таджикистане в 1992–1997 гг.

При этом вспомогательную роль будут играть разжигаемые извне межнациональные конфликты на Северном Кавказе и в Поволжье. В перспективе векторы этих угроз будут нацелены на раскол нашей страны по линиям Афганистан – Таджикистан – Казахстан, с одной стороны, вбывание своеобразного клина от Северного Кавказа вдоль Волги – с другой, и на дальнейшее отделение Урала и Сибири от европейской части России с последующим дроблением ее территории.

Исламский радикализм. В 2013–14 гг. активизировалась деятельность исламских экстремистов на Северном Кавказе. За последнее время на территории Северо-Кавказского федерального округа России был зафиксирован рост преступлений террористического характера. При этом в 2014 г. из-за нападения и терактов количество убитых и раненых превысило аналогичные показатели 2013 г. Только последний теракт в декабре 2014 г. в Грозном унес жизни более десятка человек.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время наибольшее количество терактов происходит в Республике Дагестан. Так, например, в 2014 г. там было совершено в 3 раза больше преступлений данного характера по сравнению с 2008 г. Большинство экспертов, как российских, так и иностранных, прямо связывают обострение ситуации на Северном Кавказе с процессами исламизации стран Ближнего Востока и Северной Африки. Так, приход к власти исламистов, в частности представителей движения «Братья-мусульмане», в Египте и Тунисе, усиление позиций радикальных исламских группировок в Ливии и участие исламских террористов в вооруженной борьбе в Сирии и других странах активизирует исламистские организации, распространяет радикальные настроения и на территории российского Северного Кавказа.

При этом главная цель экстремистских организаций в регионе – построение единого исламистского государства, Кавказского халифата. В настоящее время различными иностранными государствами, такими как США, Турция, Пакистан, Саудовская Аравия, Грузия, прилагается немало усилий по дестабилизации обстановки в республиках Северного Кавказа на национальной и религиозной почве¹⁷. Главной ударной силой при этом являются экстремистские мусульманские организации (Аль-Каида, «Братья-мусульмане», Конфедерация горских народов Кавказа, Кавказский эмират, вахабиты), основной целью которых является вытеснение русских с Кавказа, построение мусульманского теократического государства. Этнополитическая напряженность на Северном Кавказе оказывает негативное влияние на территории Предкавказья, Нижнего Поволжья, Урала, южных областей российского Нечерноземья.

На территории Российской Федерации радикальный ислам активно представлен вахабизмом, который имеет практическую связь с системным терроризмом. Так, 31 октября 2012 г. духовный лидер транснационального экстремистского движения «Братья-мусульмане» Юсуф Кардави назвал Россию врагом ислама и призвал всех правоверных мусульман бороться против нее с оружием в ру-

ках. Общая численность вахабитов в России не превышает 5% от общего числа мусульман (около 700 тыс. чел.). Под вахабизмом в современной России обычно понимается совокупность агрессивных и нетрадиционных для РФ ветвей ислама (исламских джамаатов, «внемазхабного», или «безмазхабного» суннизма). Основные группами российского вахабизма являются классические вахабиты, именующие себя салафитами (приверженцы чистого ислама), ихваны или «Братья-мусульмане», хизбуты (сторонники террористической партии «Хизб ут-Тахрир»), таблигиты (адепты экстремистской пакистанской секты «Таблиги джамаат»).

Вахабитов отличает нетерпимое отношение к инакомыслящим и инаковерующим, при этом использование силовых методов в миссионерской работе; стремление к созданию «шариатского государства» в той или иной форме (как правило, всемирного халифата); признание терроризма как самого эффективного способа достижения поставленных целей; нигилистическое отношение к адатам (доисламским обычаям) и светскому законодательству. Вахабиты считают возможным отлучать от ислама (делать такфир) на основании уклонения от ежедневной пятикратной молитвы (намаза) или неучастия в джихаде. Нередко они объявляют врагами ислама вообще всех несогласных с ними мусульман.

С особой враждебностью вахабиты относятся к суфиям и шиитам, причем последних именуют шайтанской (сатанинской) сектой. Вахабиты считают идолопоклонством почитание захоронений и ведут борьбу с ним¹⁸. Реальную опасность вахабиты для РФ стали представлять с 1991 г., после возобновления дипломатических отношений с Саудовской Аравией и распада СССР. После этого экспансия вахабитов на постсоветское пространство приобрела лавинообразный характер. Наиболее радикальные проповедники приравнивали законопослушных мусульман к неверным, призывая уничтожить их в первую очередь. С 1989 г. молодые мусульмане из республик Северного Кавказа, а впоследствии и из других российских регионов, сотнями отправились на учебу в зарубежные медресе в рамках арабских и турецких программ содействия возрождению российского ислама. К середине 1990-х гг. сотни образованных и амбициозных радикалов начали возвращаться в Россию, формируя костяк салафитского движения.

Следует отметить, что российские мусульмане в настоящее время также продолжают изучать ислам в его наиболее радикальных формах в зарубежных исламских учебных заведениях. В частности, в Пакистане, в Афганистане российские студенты и подвергаются антироссийской идеологической обработке. Недавно уничтоженные лидеры вооруженного подполья в Кабардино-Балкарии, например, прошли обучение в исламском университете Эр-Рияда. Число тех, кто получил исламское образование за рубежом после распада Советского Союза, превысило 10 тысяч человек.

Со временем подготовка новых вахабитских кадров стала производиться в самой России. Особое внимание уделялось прозелитизму среди христиан, которым отводилась роль наиболее надежного и боеспособного звена первичных ячеек – джамаатов. Вербовка сторонников дублировалась кампанией по изданию многотысячными тиражами и преимущественно бесплатному распространению экстремистской литературы. Развитие Интернета позволило вахабитам насытить его русскоязычный сегмент сотнями сайтов, которые до сих пор количественно превосходят веб-ресурсы традиционных

¹⁷ Гаджиев К.С. «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. Международные отношения, 2010. С. 137.

¹⁸ М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье // Политика. Специальный выпуск. № 9 (115). 2013 г. 4 июня. С. 1.

мусульман. С появлением социальных сетей с их помощью была начата вербовка новых членов¹⁹.

С 1995 г. основным направлением деятельности ваххабитов стал терроризм. Расцвет их деятельности пришелся на 1997–1999 гг., когда Чечня перешла под контроль экстремистских лидеров. С середины первого десятилетия XXI века ваххабиты стали практиковать «массовые народные» выступления. Происходит сращивание ваххабитских структур с чиновниками и правоохранителями среднего уровня, проникновение их в учебные заведения всех уровней и работа среди спортсменов.

На современном этапе ваххабиты успешно работают с населением, грамотно используя просчеты государственных структур и нейтрализуя контрпропаганду традиционных мусульман, в том числе и посредством физического устранения их лидеров. Одна из главных задач ваххабитов в настоящее время состоит в том, чтобы добиться их признания как авторитетного направления ислама, равнозначного институтам традиционных мусульман.

При этом они предпринимают эффективные и успешные усилия по внедрению во властные структуры – от регионального (Дагестан) до федерального уровня для корректировки российского законодательства в свою пользу²⁰. К 2013 г. ваххабитские общины созданы во всех субъектах РФ, за исключением Чукотского АО. Наиболее ваххабитизированным регионом России на данный момент является Дагестан, в особой группе риска находятся Кабардино-Балкария и Ингушетия. Повышенная активность ваххабитов наблюдается в Ставропольском крае и Северной Осетии. Достаточно крупная ваххабитская община Карачаево-Черкесии с середины 2000-х гг. снизила активность.

В Приволжском ФО наиболее ваххабитизированы Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Саратовская, Оренбургская, Пензенская и Нижегородская области. Крупные ваххабитские общины зафиксированы также в Республике Удмурти, Ульяновской и Самарской областях.

В Южном ФО основным центром ваххабизма являются Астрахань и Ростов-на-Дону, активны ваххабиты и в Республике Адыгея. В Центральном ФО подавляющее большинство ваххабитов сконцентрировано в Москве и Московской области. В Северо-Западном ФО они тяготеют к Санкт-Петербургу и Карелии. В Уральском ФО ваххабиты особенно активны в Тюменской и Свердловской областях, Ямало-Ненецком АО. В Сибири их центрами стали Горный Алтай и Омская область, а на Дальнем Востоке – Приморский край и Якутия²¹.

С 1999 года правоохранительные органы России развернули широкомасштабную кампанию по борьбе с радикальным исламом, первым делом закрыв российские представительства вспомогательных террористических структур – фондов «Аль-Харамейн», «Аль-Игаса» и «Тайба». Было выдвинуто несколько инициатив о запрете ваххабизма на всей территории России, отталкиваясь от антиваххабитских законов, принятых в Дагестане, Ингушетии и Ставропольском крае. Поводом для этих мер стала атака ваххабитов на Дагестан и возрастание числа устроенных ими терактов. Тем не менее запретить ваххабизм на федеральном уровне не удалось. Рабочая группа Института национальной стратегии во главе с Михаилом Ремизовым сделала ряд выводов и сформулировала несколько рекомендаций по противодействию радикальному исламу в РФ.

¹⁹ М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье // Политика. Специальный выпуск. № 9 (115). 2013 г. 4 июня. С. 1

²⁰ М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье // Политика. Специальный выпуск. №9(115). 2013 г. 4 июня. С. 1.

²¹ Там же.

1. Законодательная база противодействия радикальному исламу в России пока **недостаточно разработана**. Степень наказания часто неадекватна уровню преступления. Неукоснительно преследуется распространение и чтение запрещенной экстремистской литературы, список которой неуклонно и не всегда обоснованно пополняется задним числом за счет книг, изданных уже много лет назад. В то же время реальные пособники террористов (их укрыватели, непосредственные «духовные наставники» и т.п.) нередко не несут никакого наказания и даже не включаются в число обвиняемых.

2. Успешная борьба с ваххабизмом невозможна без его запрета на федеральном уровне, на чем настаивают как разумные правоохранители, так и лидеры традиционных мусульман (в частности, убитые террористами в 2012 году Валиулла Якупов и Саид-афанди Чиркейский).

По учению ваххабитов, современное государство как носитель неисламского начала должно уйти и быть заменено исламским государством, руководствующимся лишь законами чистого и строгого ислама. Почвы для компромисса здесь нет. Это учение может быть относительно мирным либо в рамках уже построенных по лекалам чистого ислама государств, либо в рамках государств с ничтожно малым ваххабитским влиянием (то есть в ситуации заведомой слабости движения). Россия не относится ни к тем, ни к другим.

Разумеется, следует четко отделять системный терроризм под лозунгами ислама от идейных поисков в исламе. При этом необходимо признать, что частью инфраструктуры террора является идеологическая и организационная поддержка. В том числе – со стороны вполне легальных на сегодня структур. Разделение на легальное и боевое крыло – традиционная тактика экстремистских движений. Пресечь прямое политическое насилие невозможно, если действует режим благоприятствования для его покровителей. Последние должны нести юридическую, моральную и политическую ответственность, невзирая на их ранги и духовные звания.

3. В целом низкоэффективной представляется практика запрета экстремистских изданий. Зачастую запрет материала лишь привлекает к нему дополнительное внимание, не исключая его доступности, так как запрещаемые материалы легко обнаруживаются в Интернете или переиздаются с другими выходными данными. Запрет оправдан только в том случае, если гарантированно не добавит популярности запрещаемому автору и изданию. Необходим также специальный перечень мусульманской литературы, которая вообще не должна проходить экспертизу на предмет ее запрета.

4. Проблема вербовки новых ваххабитов в местах заключения может быть решена посредством использования опыта Казахстана, где осужденные террористы и экстремисты ваххабитского толка отбывают заключение в специальной колонии и не соприкасаются с иными заключенными. В отношении особо непримиримых исламистов можно использовать опыт Бахрейна, где местные ваххабитские власти лишают гражданства и депортируют наиболее опасных оппозиционеров.

5. Для профилактики дальнейшей радикализации исламского общества России можно предложить следующие меры:

- разработать концепцию социального партнерства государства и религиозных организаций, которая позволит создать необходимую законодательную базу для государственно-исламских отношений. В данной концепции следует указать критерии, в соответствии с которыми органы власти смогут работать с мусульманскими централизованными организациями;

- федеральной и региональным властям важно развивать государственные программы поддержки исламской науки и образования с целью подготовки новых кадров официального мусульманского духовенства, ученых-богословов, преподавателей медресе и журналистов;
- необходимо продумать меры по повышению авторитета муфтията, который сильно пострадал вследствие информационных войн между ними и пропаганды ваххабитов, а также оптимизировать шаги по физической защите лидеров традиционного ислама.

Исламский фундаментализм в Поволжье. 22 февраля 2013 г. состоялась презентация доклада российского политолога С. Маркедонова «Рост радикальных исламских групп в Приволжском федеральном округе». В документе подчеркивается, что влияние исламского радикализма в России не ограничилось Северным Кавказом и распространилось на ряд субъектов Федерации Приволжского федерального округа, который является местом проживания 40 процентов российских мусульман.

26 февраля 2013 г. директор ФСБ А. Бортников заявил, что идеи радикального ислама распространяются не только на Северном Кавказе, но и на Урале и в Сибири. Заявление сделано на заседании Национального антитеррористического комитета (НАК) в Пятигорске²².

Кульминационным моментом активизации радикал-исламистов в ПФО стал теракт 19 июля 2012 года в Казани. В этот день на муфтия Татарстана, лидера мусульман-традиционалистов Ильдуса Файзова было совершено покушение, в результате чего он получил ранение. Чуть ранее в подъезде собственного дома был застрелен начальник учебного отдела ДУМ Татарстана, известный идеолог традиционного ислама, мусульманский богослов Валиулла Якупов. Вскоре в Интернете было выложено видеообращение «амира моджахедов Татарстана»: радикал-исламисты поспешили подтвердить, что в Татарстане у них организовано вооруженное подполье.

Стремление заполнить возникший после краха советской идеологии духовный вакуум религиозным возрождением «традиционных конфессий» нашло поддержку со стороны постсоветских государственных структур на всем пространстве бывшего СССР. При этом для населения «мусульманских» республик России примером исламского образа жизни стали страны зарубежного мусульманского Востока, которые откликнулись на призывы своих российских единомышленников помочь им в деле «исламского возрождения». Это позволило, начиная с 1990-х гг., широко проникнуть в Татарстан и Башкортостан нетрадиционным для коренных мусульманских народов России течениям ислама. Поволжский регион превратился в зону бесконтрольной деятельности миссионеров религиозного экстремизма из ряда зарубежных мусульманских стран.

Структура салафитского сообщества в Татарстане состоит из четырех групп. Первую группу составляет элита мусульманской уммы Татарстана; в нее входят около семи человек, которые сами принадлежат к официальным мусульманским организациям и стараются заручиться поддержкой государства, используя свой официальный статус для создания благоприятной среды для распространения и укоренения салафизма в республике. Вторую категорию образуют имамы – мухтасибы, которые на местах содействуют деятельности салафитов. В третью группу входят проповедники, работающие с населением, прихожана-

ми мечетей, опираясь в большей степени на молодежь. Именно эти проповедники активно выступают с критикой традиционного ислама, называя все национально-религиозные обычаи татар не соответствующими чистому исламу. И, наконец, четвертую группу салафитского сообщества образует мусульманская молодежь, которая восприняла идеи проповедников. Именно из этой среды впоследствии выходят те, кто берется за оружие. Важной тенденцией последних лет стала «ваххабизация» криминального сообщества, происходит распространение радикал-исламизма среди заключенных.

Среди радикально настроенных татарских националистов наблюдается сочувствие к салафитскому подполью, несмотря на негативное отношение салафизма именно к национальным обычаям татар. Сами салафиты на своих интернет-ресурсах ни о каком независимом татарском государстве не говорят. В представлении салафитов, Татарстан, как и вся Россия, в будущем должен стать частью одного мирового халифата. Радикал-исламисты, ведущие вооруженную борьбу против Российского государства на Северном Кавказе, все чаще призывают к распространению джихада на Поволжье и конкретно на Татарстан и Башкортостан.

Эта тенденция окончательно оформилась в последние два года, совпав с качественными изменениями в татарстанском мусульманском сообществе. Угроза перехода татарстанских и башкортостанских салафитов от слов к делу представляется достаточно серьезной. Именно теперь абстрактные обещания стали конкретизироваться в пространственных материалах салафитских пропагандистов, делающих ставку на татар и башкир. В перспективе возможно перерождение национал-сепаратистов в моджахедов, тем более что у татарской националистической молодежи существуют многочисленные точки соприкосновения с молодежью радикально-исламистской.

Сегодня общий тон высказываний на ваххабитских форумах существенно изменился в сторону усиления пропаганды вооруженного джихада в Поволжье и учащения призывов к скорейшему его началу. Обсуждение этой темы на собственно татарских форумах не демонстрирует особых подвижек общественного мнения, но при таких усилиях ваххабитов это – вопрос времени. На мусульманское информационное пространство Татарстана все больше распространяется влияние кавказских экстремистских интернет-ресурсов.

Со стороны радикал-исламистов наблюдается также интерес к выстраиванию союзнических отношений с татарскими и башкирскими национал-сепаратистами. После теракта 19 июля 2012 г. в Казани радикал-исламисты и татарские «светские» националисты неоднократно совместно участвовали в антироссийских митингах и пикетах (29 июля, 5 и 19 августа), проводимых под предлогом «протеста против преследования мусульман со стороны властей». В медиапространстве татарские националисты выполняют роль адвокатов террористов, выставляя последних в качестве «невинных жертв ФСБ».

Таким образом, по мнению специалистов, за последние годы Татарстан превратился в опасный источник радикал-исламизма. Там созданы определенные условия для неконтролируемого роста религиозных экстремистов, готовых по первому призыву своих лидеров идти с оружием в руках против «неверных», которыми они считают и мусульман-традиционалистов. Так, например, 9 января 2013 г., по данным спецслужб в Татарстане, боевики-исламисты объявили, что готовят покушение на первых лиц государства.

В настоящее время осуществляется экспорт исламского экстремизма из Татарстана в соседние регионы. Между радикал-ис-

²² А. Ивановский. Миграция как военная угроза // Военно-промышленный комплекс. № 16 (484). 2013. С. 3.

ламистами Татарстана и Башкортостана существует отлаженная взаимосвязь. Они налаживают координацию деятельности с террористическим подпольем Северного Кавказа. До сих пор в тех или иных формах (как открыто, так и неофициально) из республиканского госбюджета Татарстана поддерживается антироссийская деятельность татарских националистов, которые являются союзниками радикал-исламистов. В этом регионе радикал-исламистское сообщество действует в трех направлениях:

1. Подпольное, собственно террористическое (боевое) крыло, сформированное приверженцами ваххабизма. Есть основания полагать, что в подпольном крыле наибольшим влиянием пользуются те ваххабиты, которые для получения боевого опыта отправляются в Афганистан, Пакистан, Сирию, после чего возвращаются на территорию России для ведения джихада уже на родине.

2. Общественно-политическое крыло, сформированное в основном членами «Хизб ут-Тахрир».

3. Лоббистское крыло, действующее в органах власти, – представители местной бюрократии из числа приверженцев ваххабизма и сочувствующих радикал-исламистам татарских националистов²³.

В 2010-е годы наметилось активное сращивание татарских сепаратистов с исламскими фундаменталистами. В Татарстане действует ряд как старейших татарских национал-сепаратистских организаций, таких как Татарский общественный центр (ТОЦ), «Милли меджлис», «Иттифак», «Азатлык», так и новых в виде интернет-сообществ («Татарский фронт», «Правые татары», «Татарский патриотический фронт «Алтын Урда» (Золотая орда)», «Татар, уян» («Татарин, пробудись»)²⁴. Они налаживают координацию деятельности с террористическим подпольем Северного Кавказа. При этом не исключена вероятность того, что сепаратисты всех национальных республик региона могут сблизиться между собой на общей почве вражды к православию как символу российского присутствия. Кооперация татарских национал-сепаратистов с союзниками в соседних регионах на укрепляющейся базе интеграционной антироссийской идеологии панисламизма или пантюркизма демонстрирует, что независимый Татарстан или Башкортостан по образцу европейского национального государства становится все менее привлекательной целью для сепаратистов. Зато все более конкретные очертания получает другая цель: создание на территории большей части России шариатского государства на основе идеологии ваххабизма «Большого Турана» или «Золотой Орды»²⁵. В этой связи рабочая группа Института национальной стратегии во главе с Михаилом Ремизовым сделала ряд рекомендаций по противодействию радикальному исламизму в РФ:

1) усилить ротацию региональных руководителей и мэров городов в национальных регионах: их длительное пребывание на посту фактического «хозяина» республики приводит к укреплению клановой системы управления; наиболее удачным способом ротации может служить повышение республиканского начальника путем назначения на руководящий пост в федеральных органах власти;

2) противодействовать практикам этнической дискриминации представителей нетитульных этносов на государственной службе в национальных республиках;

3) ограничить возможность для получения зарубежного религиозного образования путем укрепления отечественных мусульманских учебных заведений;

4) разрешить этнолингвистический конфликт в Татарстане и ашкортостане путем обеспечения права родителей выбирать для своих детей, в соответствии с федеральным законом, такой стандарт образования, который позволяет изучать русский язык не только как государственный, но и как родной язык (разница между государственным и родным языком заключается в наличии у последнего серьезной культурологической нагрузки и увеличении количества часов на его преподавание); в идеале – настоять на добровольном изучении татарского и башкирского языков;

5) усилить поддержку татарских и башкирских молодежных организаций, настроенных на участие в совместных мероприятиях и культурно-просветительских проектов с русской молодежью, с максимальным освещением подобной деятельности, при этом подобные акции должны перейти на постоянную основу;

6) прекратить практику ограничения и преследования деятельности русских национальных организаций в регионе, поощрять самоорганизацию русских на этнической основе для культурно-просветительской и правозащитной деятельности, способствовать организации русских национальных молодежных культурных мероприятий (их отсутствие при проведении аналогичных татарских и башкирских акций для молодежи создает ощущение дискомфорта для русской молодежи и способствует ее уходу в радикальные националистические группировки, иногда порой откровенно нацистского характера);

7) прекратить практику заигрывания с местными радикал-исламистами, потворствуя последним уступками и нерешительностью; это должно сочетаться с принципиальной поддержкой традиционного для России ислама, лояльного российской государственности;

8) последовательно применять к ваххабистской среде самый широкий диапазон средств борьбы с организованной преступностью, включая оперативную, разведывательную деятельность, корректировку законодательства, развитие профильных структур и т.д.;

9) активизировать контрпропаганду против террористического и крипотеррористического сектанства;

10) ограничить миграционные потоки (в особенности из Центральной Азии), которые уже сегодня являются ощутимым фактором нарастания этнорелигиозной напряженности в регионах Поволжья и России в целом.

Наряду с опасностью распространения исламского фундаментализма в Татарстане серьезной угрозой для безопасности Российской Федерации он продолжает оставаться и на территории **Северного Кавказа**. Для понимания всей серьезности положения в этом регионе необходимо рассмотреть основные факторы, способствующие исламизации этого региона.

Первый фактор. Северный Кавказ и Закавказье всегда были и остаются регионом, где сталкиваются стратегические интересы мировых держав. 30 государств объявили Кавказ сферой своих интересов, реализация которых сопровождается соперничеством и борьбой за доступ к нефтяным запасам на шельфе Каспийского моря, так как, по оценкам экспертов Министерства энергетики США, «энергетические ресурсы Каспия могут быть сравнимы только с ресурсами Персидского залива и, возможно, являются крупнейшими в мире»²⁶.

Именно США заявили о том, что российский Северный Кавказ является зоной их жизненно важных интересов. Поэтому Вашингтон заинтересован в дальнейшей активизации грузино-абхазского, грузино-

²³ М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье // ИГ Политика. Специальный выпуск. № 9 (115). 2013 г. 4 июня. С. 10.

²⁴ Там же. С.10.

²⁵ Там же. С.11.

²⁶ Юсупова Г.И. Глобализация и этнополитическая безопасность юга России. М.: Собрание, 2009. С. 150.

южноосетинского конфликтов, а также эскалации конфликта между Арменией и Азербайджаном. При этом США для достижения этой цели в этом регионе активно используют потенциал (исламский фактор) своих союзников, прежде всего Саудовской Аравии, Пакистана и др.

Второй фактор. Исключительная многонациональность (более 120 национальностей) и многоконфессиональность населения (представлены все основные религии мира), которое имеет свою историческую судьбу, свой менталитет и разные этапы модернизации. Так, по мнению политолога М. М. Садыки, «сегодня Кавказ вообще и Северный Кавказ в частности стали одним из тех регионов, откуда исходит угроза безопасности России; именно здесь завязаны узлы неразрешимых в обозримой перспективе этнонациональных и территориальных противоречий и конфликтов – Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Чечня, лезгинский народ, разделенный между Азербайджаном и Россией. Существуют также противоречия и конфликты между различными народами Северного Кавказа, такие например, как между Чечней и Дагестаном, Чечней и казаками, Ингушетией и Северной Осетией и др.»²⁷.

Специалисты полагают, что на сегодняшний день на Северном Кавказе функционируют около 70 локальных латентных очагов межэтнической напряженности. В этом регионе произошли различные этнополитические конфликты, один из которых в Чечне стал самым разрушительным на территории бывшего СССР. Вместе с тем Северный Кавказ выступает форпостом России в защите ее национальных интересов на южных рубежах и субъектом влияния на обширном пространстве, охватывающем весь Кавказ, Средний и Ближний Восток, Центральную Азию.

Третий фактор. Историческая память народов, сохраняющая следы насильственных действий в области национальной политики, таких как произвольное изменение национальных границ, искусственное расчленение этнических общностей, несправедливое национальное устройство, вынужденное переселение «рабочей силы», депортация народов (выселение в 1944 г. чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков в Среднюю Азию и Сибирь) и т.д. Так, например, разделенными межгосударственными границами оказались две северокавказские народности – осетины, проживающие в Северной Осетии (РФ) и в самопровозглашенной Республике Южная Осетия, а также лезгины, проживающие компактно в Южном Дагестане и Северном Азербайджане. Такие народы, как кабардинцы, черкесы и адыгейцы, составляющие единую этническую общность адыгов, оказались разделенными внутренними (межреспубликанскими) границами (Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская Республики)²⁸.

Четвертый фактор. Затяжной экономической и социальный кризис, политическая нестабильность, разрыв хозяйственных связей. Львиная доля средств, выделяемых центром на развитие республик Северного Кавказа, выводится элитами в соседние и центральные регионы России. Это, в свою очередь, означает бурную экспансию клановой экономики за пределы Северного Кавказа, со всеми вытекающими последствиями, и еще меньшую заинтересованность правящих кланов во внутренней стабильности республик²⁹.

²⁷ Методология изучения военно-политической обстановки в регионе и меры по обеспечению военной безопасности России, предотвращению, локализации и разрешению вооруженных конфликтов (на примере Кавказского Региона). М.: ВАГШ, 2008. С. 99.

²⁸ Методология изучения военно-политической обстановки в регионе и меры по обеспечению военной безопасности России, предотвращению, локализации и разрешению вооруженных конфликтов (на примере Кавказского региона). М.: ВАГШ, 2008. С. 91.

²⁹ М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье //

По уровню экономического развития Северный Кавказ является самым отсталым регионом Российской Федерации. Он дает 4% общероссийского промышленного производства, реальная зарплата почти в 3 раза ниже, чем по России в целом. В кризисе находятся нефте- и газодобыча, нефтехимическая, машиностроительная и сельскохозяйственная отрасли, туристический бизнес. В результате этого на протяжении многих лет наблюдается массовая безработица практически во всех республиках Северного Кавказа. Так, уровень безработицы в Республике Ингушетия составлял, по состоянию на 1 июля 2011 г. 48,5%, Чеченской Республике – 34,2%, в Республике Дагестан – 12,8%.

Следствием этого является обнищание населения, неустроенная молодежь, пополняющая ряды безработных и криминалитета, различные формы дискриминации граждан региона по национальному признаку, ограниченные возможности развития национальной культуры, языка, традиций и обычаев представителей всех национальностей региона. В.В. Путин в своей статье «Россия: национальный вопрос» отметил, что «системные проблемы общества очень часто находят выход в форме межнациональной напряженности. Нужно всегда помнить, что существует прямая зависимость между нерешенными социально-экономическими проблемами, пороками правоохранительной системы, неэффективностью власти, коррупцией и конфликтами на национальной почве».

Пятый фактор. Потеря мобилизующих идеалов, лежащих в основе государственности, отсутствие национальной идеи чрезвычайно затрудняют консолидацию российских этносов. Общественное сознание народов Северного Кавказа, лишившись имперского и коммунистических идеалов, оказалось в идейном вакууме. Народы, в течение нескольких поколений жившие в условиях внешней и внутренней безопасности, в нынешней ситуации пребывают в состоянии неопределенности и самоопределения. Утрата сообществом национального идеала ведет, как правило, к поиску новых идей и проектов, в том числе касающихся национально-государственного устройства. При этом формируются убеждения и концепции, направленные как на пребывание в составе России, так и вне ее.

Шестой фактор. Представители так называемой титульной нации, или титульного этноса, фактически монополизировали высшие государственные должности для обеспечения приоритета собственных экономических и политических интересов. В результате противоречия и конфликты между кланами в основном выступают как межэтнические. Кризисные явления в регионе в области межнациональных отношений связаны и с коррупцией местных правящих элит, их профессиональной некомпетентностью и невозможностью оказать эффективное противодействие террористическим и криминальным группировкам.

Дестабилизирующим фактором межнациональных и межконфессиональных противоречий является неравномерное распределение национальных групп в экономической, политической, культурной и других сферах жизни общества. Именно на решении этих проблем акцентировал внимание президент Российской Федерации в своем выступлении на заседании президиума Госсовета по укреплению межнационального согласия.

Седьмой фактор. Ислам выступает в качестве базового компонента национализма в политизированном исламском фундаментализме, который служит собирательным названием для обозначения

разного рода религиозно-политических течений, предлагающих собственные специфические пути, формы и средства решения проблем, возникающих перед человечеством в условиях глобализации, представляя серьезную угрозу национальной безопасности России. На Кавказе среди этих течений ключевое место занимает салафизм, больше известный под названием «ваххабизм» и ставший идеологией различных групп и движений, сыгравших свою роль в дестабилизации социальной и политической ситуации на Северном Кавказе, внося при этом существенный вклад в религиозно-идеологическое обоснование чеченского конфликта, сепаратизма и терроризма в регионе. Радикальные исламские течения активно проявляют себя в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

Чистый ислам как проект для Кавказа стал не только результатом вмешательства внешних сил (саудовцев, пакистанцев). Он был порожден, прежде всего, внутренней средой. Салафиты сделали краеугольным камнем своей пропаганды и агитации критику светской власти. Массовые злоупотребления местных чиновников служебным положением, коррупция, социальная дифференциация и, как следствие, высокий уровень безработицы, закрытость власти и ее нечувствительность к нуждам населения способствовали успехам пропаганды и популярности салафитов у населения Северного Кавказа.

На практике установки салафитов выражаются в стремлении к тотальной исламизации абсолютно всех сфер общественной жизни. Исламистское движение выступает с идеями создания исламского государства Кавказский эмират и участия в глобальном джихаде против всех «врагов ислама» (включая не только Россию, но и США, ЕС, Израиль).

Все это время российские власти пытались противопоставить развитию ваххабизма на Кавказе традиционный ислам, но давно уже отчетливо видно, что он не может конкурировать с фундаментализмом. Традиционный ислам расколот, в значительной степени слился с властью и, как следствие, подвержен тем же порокам, что и она (например, присваивание общественных денег и роскошь на фоне нищенского положения паствы)³⁰. В понимании значительной части кавказцев-мусульман традиционный ислам является продолжением ненавистной им власти, и это еще больше отталкивает от него значительную массу народа. В этой связи автоматически зачислять всех оппонентов официального духовенства в число «врагов России» было бы большой ошибкой. «Неофициальный ислам» далеко не тождествен ваххабизму и тем более терроризму.

В условиях вакуума законности, присущего клановой региональной системе при слабом федеральном центре, общество неминуемо предъявляет спрос на структуру, которая взяла бы на себя защиту людей. В определенных кругах эту функцию начинают выполнять экстремистские джамааты. Они, в отличие от официальной власти, начинают восприниматься как народные защитники. Тот факт, что органы правопорядка борются против них, является в глазах людей дополнительным фактором делегитимизации власти. Локомотивом ваххабитского движения стала молодежь, наиболее остро переживающая отсутствие перспектив и испытывающая потребность в интенсивной солидарности. В Дагестане принадлежность к ваххабитскому движению стала уже чем-то вроде молодежной моды, чтобы не быть белой вороной, молодой человек должен быть ваххабитом.

Фундаментальный ислам постепенно проникает во все сферы общественной жизни. С особенной силой это чувствуется в Дагестане.

Судопроизводство в значительной степени совершается по исламским законам, де-факто разрешено многоженство, сделки с недвижимостью заключаются в мечетях, распространены строгие каноны одежды, продажа спиртного де-факто наказуема и т.д. Существует много поселков, а подчас и районов, все или почти все жители которых исповедуют ваххабизм. Таким образом, ваххабизм в Дагестане в его обоих течениях – мирном и немирном – перешел ту границу, до которой можно было надеяться победить его чисто силовым путем. На этом этапе уже не очень понятно, кто будет искоренять его, так как практически у любого силовика среди ваххабитов есть друзья или родственники³¹.

На Северном Кавказе число активных членов радикальных исламистских бандформирований и «полуподполья» составляет, по приблизительным оценкам, 4500–5000 человек. Часть из них представляет лагерь непримиримых. «Полуподполье» радикального ислама живет в городах и крупных населенных пунктах и часто участвует в террористической деятельности, соблюдая строгую конспирацию. Структурно они составляют джамааты, общины закрытого типа, возглавляемые эмирами по территориальному признаку.

Именно эти структуры ответственны за подавляющее большинство терактов. Особую озабоченность вызывает тот факт, что террористическое подполье постоянно воспроизводится, а субкультура радикального ислама в Интернете воспеваема подвиги террористов, объявляя их шахидами, «мучениками за веру», положившими свои жизни за светлые идеалы ислама.

Что касается национальной принадлежности, то деление по этому признаку среди ваххабитов не признается. Однако на практике в Дагестане, к примеру, есть преимущественно аварские, даргинские, лезгинские и иные этнические группировки. Они, соответственно, имеют больше контактов с представителями «своей» этнической группы на местах.

В последнее время ваххабитское подполье растет и за счет русской молодежи, которая примыкает к ваххабитам ради защиты своих прав и интересов, не рассчитывая получить ее легальным образом. При этом важно учитывать, что радикальные исламисты на Северном Кавказе предпринимают активные усилия по маргинализации русского населения в регионе, включая вытеснение «русского элемента» из местных силовых структур. В Чечне своеобразие ситуации во многом определяется тем, что Рамзан Кадыров (продолжая линию своего отца Ахмата-хаджи) выступает в качестве этнонационального лидера. Его можно считать проводником «исламского проекта», в котором заложен потенциал преодоления эксцессов радикализма за счет ставки на традиционные подходы, противостоящие ваххабизму и салафизму. Но на фоне общероссийского кризиса этнонационализма (идеологии и практики образования наций-государств) такой «проект» без корректировки не имеет четкой перспективы.

На Северном Кавказе за два последних десятилетия сложилось положение, которое характеризуется тремя одновременно идущими процессами:

1. Определенное «иждивенчество» северокавказских республик по отношению к остальной России, подпитывающее этническую и социальную архаику региона. Его экономика стала на 60-80% дотационной. Причем средства, используемые местными этническими элитами из федеральных дотаций, инвестируются в более спокойные и благоприятные для бизнеса регионы РФ (Краснодарский и Ставро-

³⁰ М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье // ИГ Политика. Специальный выпуск. № 9 (115). 2013 г. 4 июня. С. 13.

³¹ М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье // ИГ Политика. Специальный выпуск. № 9 (115). 2013 г. 4 июня. С. 13.

польский край, Ростовская и Астраханская области), туда мигрирует и значительная часть населения с Северного Кавказа.

2. Это, в свою очередь, создает ситуацию, при которой значительная часть населения, особенно молодежь, чувствует определенное превосходство по отношению к своим сверстникам из других регионов России. Исходя из привитой им в последние годы идеологии, уроженцы Северного Кавказа считают, что принадлежат к «более древним, более благородным» и т.п. этносам и исповедуют наиболее «великую и правильную» религию. Россия же в их понимании является страной, принесшей их предкам и им самим много бед и обязанной сейчас за это расплачиваться.

Вместе с тем, по российским законам эти люди являются полноправными гражданами России. Складывается очень удобная для них ситуация, когда они могут действовать исходя из своей этнической и клановой идентичности, но в нужные моменты прибегать к защите своих интересов на основе официальной принадлежности к идентичности общегражданской.

В результате вышеописанной ситуации многие выходцы из северокавказских республик широко расселяются по территории России, но главным образом в больших благополучных городах, и формируют «доминантные» клановые структуры, не слишком считаясь с интересами, правами и обычаями местного населения. При этом они уверены в своей безнаказанности. Как любые представители клановой системы, эффективно организованные по земляческому принципу, они имеют преимущество перед местными жителями.

Более того, они убеждены, что в случаях совершения ими преступлений не понесут наказания, так как российские власти предпочтут не конфликтовать с Кавказом. Их многочисленные диаспоры всегда смогут оградить их от правосудия. В крайнем случае, они всегда смогут скрыться на свою малую родину, откуда достать их будет очень проблематично.

Кроме того, подобными внутренними мигрантами часто оказываются люди, контролируемые федеральными дотациями. Они и в финансовом отношении чувствуют себя хозяевами на «завоеванной» ими российской территории. Некоторые эксперты называют такую ситуацию «обратной колонизацией»³². По мнению рабочей группы Института национальной стратегии во главе с М. Ремизовым, основными задачами властных структур Российской Федерации на современном этапе и в перспективе являются:

1. Деприватизация власти, сосредоточенной в руках региональных политико-финансовых кланов, наращивание российского федерального присутствия в регионе на основе не только «жесткой», но и «мягкой силы».

2. Формирование новой региональной элиты, не связанной советским и постсоветским кланово-этнократическим опытом, поиск и поддержка альтернативных существующему руководству лидеров.

3. Дезэтнизация политики, преодоление регионального апартеида, насаждение российской гражданско-политической идентичности в национально-территориальных образованиях.

4. Реальная борьба с коррупцией, обеспечение безусловного соблюдения законности РФ на территории Северного Кавказа и искоренение касты «неприкасаемых».

5. Минимизация исламистской угрозы (при том, что сегодня радикальный исламизм является главным антигосударственным про-

тестным мобилизующим идеологическим ресурсом); обеспечение лояльности среди представителей так называемого неофициального ислама (критикующего республиканское духовенство, но не вступающего на путь диверсионно-террористической борьбы и экстремистской антигосударственной пропаганды)³³.

Сегодня российский Северный Кавказ во многом повторяет опыт Ближнего Востока, Северной Африки, стран Центральной Азии, где этнический национализм отступает перед агрессивной исламистской пропагандой, использующей идеи социальной справедливости и наднациональные ценности и лозунги. В этой связи первоочередной задачей является понимание того, кто может стать основным союзником государства в решении этой проблемы «на местах».

Сегодня российское федеральное присутствие ориентируется по большей части либо на силовые структуры и спецслужбы, либо на бюрократические аппараты. У федерального центра нет серьезной низовой поддержки в виде гражданских неправительственных структур и, условно говоря, «агентов гражданской нации», заинтересованных в преодолении существующего местничества в сфере управления и монополизма в экономической сфере. Успешная деприватизация власти в республиках Северного Кавказа возможна только при одновременном давлении на кланово-олигархические режимы (которые своей деятельностью провоцируют и этнический, и религиозный экстремизм) сверху (то есть непосредственно из федерального центра) и снизу (посредством усиления гражданских структур, ориентированных на усиление общероссийского присутствия).

Для противодействия новым северокавказским кланам недостаточно одних режимов КТО или введения дополнительных военных сил. Нужны гражданские агенты общероссийского влияния (в том числе из рядов недовольных региональной коррупцией, пострадавших журналистов, правозащитников и предпринимателей, готовых рассматривать федеральный центр как гарант их общественной и экономической деятельности). При этом поддержка гражданского общества и СМИ на Северном Кавказе должна носить адресный характер.

Поэтому не следует во всем полагаться только на такие институты влияния, как национально-культурные автономии, поскольку эти структуры, как правило, больше заинтересованы в национальной автономии. Адресная поддержка изданий и гражданских проектов должна осуществляться при одном принципиальнейшем условии поддержки ими приоритетов российской государственной общности и единого правового поля поверх этнорегиональных границ.

Если на сегодняшний день экстремистские структуры сильны своими сетями, государство должно противопоставить им гражданские сети. К таковым можно отнести региональные СМИ, общероссийские социально-политические структуры в регионах, бизнес, поддерживаемый из Москвы и нацеленный на демополилизацию кланово-олигархического бизнеса республик, образовательные проекты, особенно в гуманитарной сфере. Эти региональные «гражданские сети» могли бы снизу поддерживать модернизационные импульсы Российского государства, при этом, во-первых, корректируя возможные ошибки государственных институтов, во-вторых, выступая поставщиками альтернативной социально значимой информации, в-третьих (и это, пожалуй, самое главное), становясь кадровым резервом для новой северокавказской элиты (нынешняя региональная элита не всегда заинтересо-

³² М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье // ИГ Политика. Специальный выпуск. №9(115). 2013 г. 4 июня. С. 14.

³³ М. Ремизов. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье // ИГ Политика. Специальный выпуск. № 9 (115). 2013 г. 4 июня. С. 14.

вана в глубокой модернизации региона, ей необходимы архаичные управленческие практики).

Таким образом, деприватизация власти на Северном Кавказе теснейшим образом связана с проблемой кадрового обновления. Очевидно, что обеспечить управление регионом, привлекая кадры только из центра, невозможно. В этой связи необходимы срочные меры по формированию новой кадровой элиты региона, ориентированной не просто на нового «сеньора» и новые патрон-клиентские связи, а на ценности правового и светского государства, и имеющей выраженную общероссийскую лояльность.

На политическую конфигурацию на Северном Кавказе непосредственным образом оказывают влияние события в Закавказье. Актуальной задачей становится обеспечение высоких стандартов безопасности и экономического развития Абхазии и Южной Осетии для доказательства правильности их геополитического выбора, который не может быть гарантирован вечно. Обеспечение более высокого уровня безопасности неизбежно приведет к усложнению внутривнутриполитической повестки дня (появлению оппозиции и пр.).

Все это требует от российской власти более тонких подходов с использованием по преимуществу «мягкой», а не «жесткой силы». Российской власти следует отказаться от эксклюзивной поддержки действующих лидеров (в особенности это относится к Южной Осетии) при условии сохранения пророссийского вектора местных политиков (вектор важнее, чем личность).

Во-первых, у действующих лидеров не должно создаваться иллюзий относительно их возможности управлять действиями России (оппозиция в этом плане является противовесом). Во-вторых, с помощью политической конкуренции у РФ всегда будет возможность получать более адекватную политическую картину из Абхазии и Южной Осетии. Пора обратить внимание и на северокавказские диаспоральные организации в российских регионах.

Будучи признанными и получая поддержку со стороны региональных, а то и федеральных властей, эти организации зачастую бездействуют, когда их земляки творят в российских городах беззакония и притесняют иных граждан, вступая в дело лишь когда ситуация накаляется и соплеменники могут пострадать. Практика показывает, что подобное поведение диаспоральных организаций приводит некоторых выходцев с Кавказа к уверенности в своей безнаказанности. Следует перенимать опыт некоторых развитых стран, в которых государство поддерживает лишь те диаспоральные организации, которые не только демонстрируют желание защитить своих земляков, но могут обеспечить их лояльность и законопослушание в месте пребывания.

Таким образом, подводя итог анализу данной проблемы, хочется вновь обратиться к основным положениям проекта Концепции национальной политики, сформулированной В.В. Путиным в статье «Россия: национальный вопрос», которая включает определенные

позиции по созданию программы этнической и конфессиональной безопасности в нашем государстве. Основными мерами по обеспечению безопасности в этой сложной сфере должны стать:

1. Разработка и реализация концепции этнополитической безопасности, включающей систему взглядов на обеспечение устойчивого внутривнутриполитического развития, межэтнического и межконфессионального согласия народов РФ.

2. Создание эффективной структуры и управленческого механизма обеспечения на практике реализации национальной политики.

3. Противодействие попыткам иностранных государств использовать этническое многообразие Российской Федерации, рост религиозного и национального самосознания его населения с целью вмешательства во внутренние дела, разжигания проявления этнического сепаратизма и религиозного экстремизма.

4. Развитие созидательного диалога, формирование культуры мира между народами РФ независимо от их численности, межнационального сотрудничества, межкультурного взаимодействия народов региона.

5. Запрещение пропаганды и практических проявлений национализма, этнической и религиозной нетерпимости.

6. Создание условий для развития национальных культур, традиций, языков народов РФ.

7. Принятие комплексной программы на региональном и общегосударственном уровне по противодействию религиозно-политическому экстремизму, терроризму и национализму.

8. Разработка правового механизма по мирному решению всех спорных межнациональных вопросов, конфликтных ситуаций и противоречий.

9. Проведение продуманной кадровой политики, учитывающей интересы и запросы представителей всех национальностей региона, принимая во внимание, что государство, власть и ресурсы как на федеральном, так и на региональном и других уровнях не являются собственностью той или иной этнической группы.

10. Создание системы мер, препятствующих использованию национальных проблем в качестве фактора политической дестабилизации, для прикрытия этнической клановости, коррупции, национализма и экстремизма, превращения национально-патриотических ценностей в орудие разжигания межнациональной розни и вражды.

Выполнение всех этих задач, по мнению авторов, позволит минимизировать предпосылки экстремистской и террористической антигосударственной активности, поскольку сама эта активность по сути своей является радикальной реакцией на приватизацию власти, коррупцию, сращивание власти и бизнеса, монополизацию экономических ресурсов, закрытость от критики и несправедливость в правоохранительных структурах и судах. Купирование этих социальных болезней сделает экстремальные политические лозунги менее востребованными.

Редакция: 125047, Москва, 3-я Тверская-Ямская, д. 26. Тел.: 8(499) 250-38-08, тел/факс 250-23-06.

E-mail: pnp@narkom.info. Интернет-версия: <http://narkom.info>

Напечатано в ООО «Красногорская типография» (143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2).

Учредитель: некоммерческая организация – Благотворительный фонд реабилитации больных наркоманией.

Бюллетень зарегистрирован в Минпечати РФ. ПИ № 77-1635 от 10 февраля 2000 г.

Объем 2 п.л. Заказ . Тираж 20000 экз.

Издатель А. Алексеев. Зам. главного редактора М. Кованцев, верстка Л. Горлачев, корректура Н. Курбет.

Подписан в печать 31.08.2015. Цена свободная. При перепечатке материалов ссылка на Бюллетень обязательна.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям России.